

он терял положение и богатство, тогда как русский автор всё же наблюдал происходившие события со стороны, лично ими не задетый. Сообщение повести о том, что „фряги обладают“ Константинополем, указывает, не позже какого времени она сложена: такой гранью является 1261 год.

Большую долю вины в разгроме империи повесть приписывает венецианцам и, в частности, их дожу, который „много брани на град замышляше“. Такая оценка деятельности Дандоло и его сограждан в сравнении „с крестоносными болванами, которых немилосердно надули и которые вместе со своими неотесанными князьями были всего лишь орудием в руках этих торгошай (Geldmacher)“, ¹ — вполне соответствует исторической действительности и лишний раз подтверждает политическую пронизательность автора повести.

Специфически русским является не только стиль изложения повести; соответствует интересам русского народа и основная идея, вложенная автором в его произведение и бывшая несомненно важной и злободневной для тогдашней Руси: если Царьград пал вследствие „свады цесаревь“, то в этом заключен урок и для русских князей.

В своих описаниях автор повести обращает внимание прежде всего на то, что резко отличается от тогдашней русской действительности. Его поражают одетые в броню кони крестоносцев. Его ужасает византийская казнь посредством ослепления стеклом, при которой глаза остаются неповрежденными, но человек перестает видеть.

Стиль повести полностью соответствует, как правильно замечено в „Истории русской литературы“, стилю древнерусских летописей. Особенно заметно это сказывается в частом использовании прямой речи в качестве средства характеристики изображаемых лиц. Витиевата, напыщена и громоздка по синтаксическому построению увещательная речь римского папы, отрывисто заносчивы речи Исаковича, Мурдуфла, бояр. Напоминает летописные речи своим энергичным выражением рыцарской доблести высказывание крестоносцев под стенами Царьграда: „Оже нам нѣту Исаковиця, с ним же есме пришли, да луче ны есть умерети у Цесаря града, нежели съ срамом отъйти“.

Функция приводимых речей тоже соответствует летописному стилю. В повести представлены не только военные речи, но и речи посольские, например, речь Мурдуфла „людем“, собравшимся в Софии: „Язь яль ворога вашего Исаковиця. Язь вашь цесарь, а Николь даю първыи въ боярех. И сложи съ себе вѣнец!“.

Далее читаем типичную крестоцеловальную речь клявшихся сторонников Николая: „Кто отступит от Николы, да будет проклят“. Лаконичное, полное внутренней энергии построение речей, обилие в них исконно русской лексики вполне соответствуют построению аналогичных речей и во всех древнерусских летописях. Летописный стиль прослеживается и в описаниях боевых действий, когда мы встречаемся с точным употреблением воинской терминологии, обычной в древней Руси, например: „Оттоль начаша строити брань ко граду и замыслиша, яко же и преже, на кораблих раями на шыглах, на иных кораблих исьдиниша пороки и лѣствиця, а на инѣх замыслиша свѣщивати бочки черес град, накладыны смолины, и лучины зажегше, пустиша на хоромы, яко же и прѣже, пожьгоша град“.

В этих описаниях всё типично для летописи: и лексика (с заборолы, пороки, стрѣлы, сулица), и динамичность в изображении боя.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 197.